

ПРОСПЕР МЕРИМЕ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

При изучении литературных влияний и взаимодействий особое внимание следует обращать на случаи непосредственных контактов писателей разных стран. С одной стороны, при таких контактах сам механизм литературных воздействий и взаимовлияний как бы лежит на ладони — он очевиден, его этапы и результаты легко прослеживаются, его материальные подтверждения — налицо. С другой же стороны, личные контакты, отношения дружеские (либо, напротив, враждебные, на худой конец, настороженные, непростые) привносят в процесс литературных взаимодействий некий дополнительный «множитель», усложняющий и запутывающий картину. Следует иметь в виду, что личные контакты двух или нескольких представителей разных литератур, нередко весьма отличающихся друг от друга, проходят разные стадии своей эволюции, протекают во времени, испытывают посторонние воздействия, способствующие или мешающие таким контактам. Крайне редко происходит так, что встречаются два равновеликих писателя, занимающие — каждый — ведущее место в своей национальной литературе и одновременно — в литературе мировой. При этом нельзя забывать, что отдельные литературы, не теряя своей национальной самобытности, порой выстраиваются в один ряд, хотя обычно они развиваются совсем не синхронно, одна из них как бы лидирует, другая же лишь подтягивается к ее уровню. Не беремся определять такие исключительные моменты в контексте всей мировой литературы, но можно с уверенностью сказать, что к концу первой трети XIX столетия, в рамках Европы (и за эти рамки не выходя) такое выстраивание происходит. Если говорить о двух литературах, сейчас нас интересующих, русской и француз-

ской, то в эпоху Пушкина первая, еще совсем недавно старательная и способная ученица, достигает уровня своей наставницы. И в этой ситуации непосредственные писательские контакты приобретают особый смысл. Примеры таких контактов довольно многочисленны, но не все они хорошо изучены, и в этом отношении архивы все еще таят немало интересного.

Что касается творческих (и иных) контактов Проспера Мериме и ряда русских литераторов, то они не просто значительны, но носят уникальный, беспрецедентный характер. Недаром три великих русских писателя — Пушкин, Гоголь и Тургенев — написали, каждый по своему, но неизменно проницательно и ярко, — о своем французском собрате, сам же Мериме посвятил им большие статьи, во многом способствовавшие популярности их творчества во Франции. Если они, то есть Мериме, с одной стороны, и русские писатели, с другой, хорошо знали произведения друг друга, то так или иначе были друг с другом и знакомы. Сведения о возможной встрече Мериме с Гоголем в одном из парижских салонов весьма предположительны; с Пушкиным Мериме, естественно, не встречался (но как жаль!), однако они почти вели переписку (через их общего друга С.А.Соболевского); с Тургеневым французский писатель не только переписывался, но и многократно встречался и самым активным образом сотрудничал.

Интерес к России отразился в исторических работах Мериме, в его переводах Пушкина, Гоголя, Тургенева, наконец, в его литературной критике.

В творческом наследии Мериме литературной критике принадлежит довольно скромное место. Писатель не был журналистом-профессионалом, как Сент-Бев или даже как Стендаль. Мериме писал статьи от случая к случаю, отдавая дань тому или иному своему литературному увлечению либо уступая настоятельным просьбам многочисленных знакомых. Поэтому его литературно-критические работы неоднородны и неравноценны. Есть среди них и большие серьезные предисловия или обстоятельные журнальные статьи (посвященные Байрону, Нодье, Брантому, Агриппе д'Обинье), есть и маленькие газетные заметки и рецензии. Многие из этих статей «на случай» теперь справедливо забыты, но лучшая часть наследия Мериме-критика, теснейшим образом связанная с его художественным творчеством, не утратила своего значения и в наши дни. Среди них одно из первых мест принадлежит его статьям о русской литературе.

Интерес к русской литературе возник у Мериме уже в 20-е годы. Как раз тогда он знакомится с представителями просвещенных кругов русского общества, не чуждых литературе, — с Ксаверием Лабенским, Н.А.Мельгуновым (который, видимо, был тем, кто отвез Гете в Ваймар его «Гузлу»), братьями А.И. и Н.И.Тургеневыми, С.А.Соболевским, известным эпиграмматистом и библиофилом. Соболевский пробудил в нем интерес к творчеству Пушкина. В 20-е и 30-е годы Мериме уже обнаруживает неплохое знание русской литературы, с которой он знакомится как по французским переводам, так и в подлиннике, так как уже начинает учить русский язык. Его учителями были Лабенский и Соболевский, но главным образом — Варвара Ивановна Дубенская (ок. 1812—1901 гг.), фрейлина, знакомая Пушкина, вышедшая в 1834 г. замуж за Теодора-Жозефа де Лагрене (1800—1862 гг.), секретаря французского посольства в Петербурге (1823—1825, 1828—1834 гг.). Начиная с середины 40-х годов Мериме берет у Дубенской систематические уроки. Он читал Державина, Крылова, Жуковского, Карамзина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя. Но особое восхищение вызывает у него Пушкин, творчеством которого он занимался более тридцати лет.

Эти русские интересы Мериме развиваются на фоне растущего критического отношения писателя к современной ему французской литературе, об упадке которой он не раз писал в частных письмах и некоторых статьях. И этому мельчанию тем и сюжетов, падению литературного мастерства Мериме противопоставляет опыт лучших представителей русской литературы. Он переводит некоторых из них, о других пишет статьи.

В июле 1849 года Мериме печатает свой перевод пушкинской «Пиковой дамы». Через два года появляется его статья «Николай Гоголь», более чем наполовину состоящая из отрывков и пересказов «Мертвых душ» и «Ревизора». Эта первая статья Мериме о российской словесности вызвала самую оживленную полемику, а французский писатель оказался невольным участником ожесточенной борьбы в русской литературе. Ни одна другая статья Мериме не была встречена столь разноречиво и бурно.

Статья «Николай Гоголь» появилась 15 ноября 1851 года, а уже 12 декабря Ф.В.Булгарин приветствовал ее в своей газете. Против статьи Мериме вскоре выступили некрасовский «Современник» и «Москвитянин», перешедший теперь в руки так называемой «молодой редакции» во главе с Аполлоном Григорьевым. На этот раз

Мериме действительно дал все основания для резкой критики. Он не понял Гоголя, этого глубоко русского писателя. Он пытался вывести его генеалогию, ссылаясь на Стерна, Вальтера Скотта, Шамиссо и Гофмана. Он не понял, да в то время еще и не мог понять национальных корней творчества Гоголя. Как позже напишет И.С.Тургенев Полине Виардо, «Самые проницательные умы из иностранцев, как, например, Мериме, видели в Гоголе только юмориста английского типа. Его историческое значение совершенно ускользнуло от них»¹.

Все эти слабые стороны статьи французского писателя были зорко подмечены русскими критиками. И.И.Панаев (под псевдонимом Новый Поэт) писал в «Современнике»: «Кто же будет отрицать ум в Мериме, авторе «Театра Клары Газуль», «Коломбы» и других произведений, на которых, правда, лежат следы кропотливой и несколько сухой работы, но которых все же нельзя не признать замечательными... От других писателей мы больше ничего бы и не ожидали, но от Мериме, от этого Мериме, который обманул самого Пушкина! признаюсь, это нас поразило»². Указав на все просчеты Мериме в его статье о Гоголе, Панаев тем не менее заключил: «Впрочем, мы, несмотря на недостатки этой статьи, все-таки весьма рады ее появлению: она еще раз доказывает, что, ставя так высоко Гоголя, мы не создавали себе «идола», что даже и не понимающие ни полноты, ни — повторяем — сущности его таланта склоняются перед ним, и сожалеем только о недостаточности, о неверности представления, которое получит о нем читающая Европа, внимание которой не может не быть обращено на статью, подписанную таким почетным именем, каково имя г. Мериме»³.

Более решительным и непримиримым был критик «Москвитянина» (почти наверняка — Аполлон Григорьев); он писал: «Почему-то мы надеялись, что автор *Хроники Карла IX, Жакерии* и других произведений, которые принадлежат к числу далеко не дюжинных, скажет несколько дельных слов о нашем первом современном поэте... Мы надеялись на это, во-первых, потому, что взгляд издали, взгляд иностранца, постороннего наблюдателя, важен вообще во всяком деле, — с другой стороны, талант самого Мериме ручался бы, казалось, за то, что он поймет Гоголя... И что

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. М.; Л., 1961. Т. 2. С. 394.

² «Современник», 1851, № 12. Смесь. С. 157–158.

³ Там же. С. 158–159.

же мы встречаем в статье? Увы — ничего, кроме весьма обыденных суждений, поверхностных или устарелых требований от искусства вообще, от нашего поэта в особенности¹. В статье «Москвитянина» доказывается, что Мериме совершенно не смог разобраться в таком замечательном творении Гоголя, как «Тарас Бульба». Верно подметил критик «Москвитянина» и полное непонимание французским писателем гоголевского юмора, ограничив все рамками сатиры: «Вообще Мериме, к удивлению нашему, вовсе не понимает ни юмора вообще, ни того гиперболического юмора, который составляет характер Гоголевского гения»².

В статьях И.И.Панаева и Ап. Григорьева не было ни озлобления, ни недоброжелательности по отношению к Мериме, было лишь чувство обиды за великого русского писателя и огорчение, что замечательный французский литератор проявил вдруг такую досадную близорукость.

Во всех этих ошибках и просчетах Мериме совершенно не разбрался А.В.Дружинин, опубликовавший в следующем году обширную статью в «Библиотеке для чтения» (где он только что начал работать, уйдя из «Современника»). Статья Дружинина выдержана в резко ироническом тоне и направлена исключительно против «Москвитянина»: «Вот откуда взялись и восторг и ожесточение: Просперу Мериме, замечательному и остроумному сочинителю повестей, романов, исторических сцен... захотелось поговорить с европейской публикой о каком-нибудь очень хитром предмете, высказать несколько мыслей о человеке, не известном Франции, от беллетристических произведений перейти к критике и даже критике самой трудной — к оценке произведений, писанных в чужом государстве, на полузнакомом языке, имевших успех в обществе, совершенно чуждом тому обществу, в котором Мериме провел всю свою жизнь. Мериме ухватился за Гоголя... наговорил несколько очень живых фраз, рассыпал там и сям десяток метких мыслей, с важностью обсудил деятельность русских литераторов, назвал Гоголя особою, подражавшую Стерну и Скотту, и Шамиссо, и Гофману...»³. Дружинин, защищая Мериме от справедливых по большей части упреков, ссылается на то, что критики — и у нас и на Западе — не раз ошибались в своих оценках (он при-

¹ «Москвитянин», 1851. Ч. 6. № 24. С. 607–608.

² Там же. С. 614.

³ «Библиотека для чтения», 1852. Т. III. Ч. 2. Отд. VII. С. 217.

водит в качестве примера отношение критики к Гете и к Шекспиру). «Ежели из нас, русских, — замечает Дружинин, — нет двадцати человек, смотрящих на «Мертвые души» с одной и той же точки зрения, то почему же требовать, чтоб Мериме пошел далее нас?»¹.

Статье Мериме о Гоголе пришлось сыграть роль одного из главных козырей в руках Ф.В.Булгарина, последовательно и неуклонно ведущего борьбу против Гоголя и «натуральной школы». Как уже было сказано, «Северная пчела» приветствовала статью Мериме. Менее чем через два месяца после смерти великого русского писателя Булгарин выступил в своей газете со статьей «Журнальная всякая всячина», где писал: «Мнение наше известно читателям Северной пчелы, и оно совершенно сходствует с мнением одного из лучших европейских критиков Проспера Мериме (см. «Северная пчела», 1851, № 277, 12 дек.). Мы всегда говорили одно, что Н.В.Гоголь был приятный рассказчик, умел смешить и забавлять своими карикатурами, и только»². И в дальнейшем Булгарин в своих нападках на Гоголя всегда старался опереться на авторитет Мериме³.

В 50-е и 60-е годы Мериме знакомится с П.А.Вяземским, М.Н.Лонгиновым, И.С.Тургеневым; его занятия русским языком и литературой расширяются и углубляются. Он читает Баратынского, Загоскина, Аксакова, А.К.Толстого, Тургенева, Л.Н.Толстого, Достоевского. Появляются его новые переводы произведений Пушкина («Цыганы», «Гусар», «Выстрел») и, наконец, статья о великом русском поэте. Именно Пушкин заставил Мериме полюбить русский язык, оценить его богатство и силу. Он не раз писал об этом своим корреспондентам, например, К.Н.Леонтьеву (11 апреля 1867 года): «Я глубоко восхищаюсь вашим языком. Это теперь единственный язык в Европе, который еще годен для поэзии». И далее о Пушкине: «Владея чудесным инструментом и умея чудесно на нем играть, он все же никогда не разменивался на вариации, но всегда искал настоящую мелодию. В этом его преимущество перед Байроном. Пушкин в тридцати стихах создал «Пророка», в тридцати шести — «Анчара». Лорд Байрон сделал бы из этого два тома»⁴.

¹ «Библиотека для чтения», 1852. Т. III. Ч. 2. Отд. VII. С. 217.

² «Северная пчела», 1852. № 87. 19 апр. С. 345.

³ См., например, «Северная пчела», 14 августа 1854 г., 5 ноября 1855 г. и др.

⁴ «Вопросы литературы», 1963. № 9. С. 254.

В статье о Пушкине Мериме не избежал некоторых ошибок и неточностей: он, например, явно преувеличил степень влияния Байрона на русского поэта, не заметил цензурного гнета, под которым изнемогал Пушкин, увидел в императоре Николае лишь мягкого и справедливого критика произведений поэта. Тем не менее работа Мериме была лучшей статьей о Пушкине во французской печати. Не приходится удивляться, что в России она не вызвала серьезных замечаний и опровержений.

С Тургеневым Мериме познакомился в феврале 1857 года в Париже и с той поры постоянно переписывался и встречался. Но еще до знакомства, в 1854 году, он публикует большую рецензию на французский перевод тургеневских «Записок охотника», назвав ее «Крепостное право и русская литература». В этой статье, дав весьма высокую оценку творчеству Тургенева, Мериме допустил ряд ошибок в истолковании некоторых черт русской жизни; его мысли о крепостном праве, его возникновении и истории, отличаются подчас наивностью.

В 1863 году с предисловием Мериме выходит французский перевод романа Тургенева «Отцы и дети»; в 1868 году Мериме публикует свой этюд «Иван Тургенев». В эти же годы он печатает свои переводы произведений русского романиста — повестей и рассказов «Призраки» (1866), «Жид» (1869), «Петушков» (1869), «Собака» (1869), «Странная история» (1870). Он просматривает и редактирует переводы других произведений Тургенева, появляющихся в эти годы во Франции, по совету Тургенева переводит рассказ Марко Вовчка «Казачка», переводит вместе с ним «Мцыри» Лермонтова. В 60-е годы Тургенев становится для Мериме единственным литературным единомышленником и другом, поэтому их взаимоотношения представляют особый интерес. Достаточно сказать, что о некоторых неосуществленных замыслах Тургенева мы узнаем только из их переписки (точнее, из писем Мериме к его русскому другу, письма же Тургенева, как известно, погибли).

По своим эстетическим вкусам Мериме целиком принадлежит первой половине XIX века, когда литературные нормы эпохи Проповеди еще не были забыты. Быть может, это хотел сказать Л.Н.Толстой, записав в дневнике 20 сентября 1864 г. после чтения романа Мериме: «Странная его умственная связь с Пушкиным. Очень умен и чуток»¹.

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 48. С. 62.

Укорененный в своей эпохе, Мериме остался равнодушен к творчеству молодого Флобера; не сумел он оценить и первые книги Льва Толстого и Достоевского.

Начиная с 1930 г. статьи Мериме о русской литературе стали появляться в русских переводах. Но ни разу они не были собраны вместе и напечатаны целиком. Мы восполняем этот пробел. В Приложение мы включили посвященные французскому писателю статьи и заметки Пушкина, Гоголя и Тургенева. Материалы эти достаточно лаконичны, но содержат глубокие и верные суждения о творчестве Мериме.

А.Д. Михайлов